

СВ. МАРТИНЪ ТУРСКІЙ — ПОДВИЖНИКЪ АСКЕЗЫ.

Ни одинъ святой не пользовался такой посмертной славой на христіанскомъ Западѣ, какъ Мартинъ Турскій. Никто изъ древнихъ мучениковъ не можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ нимъ. О почитаніи его свидѣлствуютъ тысячи храмовъ и поселеній, носящихъ его имя.¹⁾ Для средневѣковой Франціи (и для Германіи) онъ былъ святымъ національнымъ. Его базилика въ Турѣ была величайшимъ религіознымъ центромъ меровингской и каролингской Франціи, его мантия (сарра)—государственной святыней франкскихъ королей. Еще болѣе значительно то, что житіе его, составленное современникомъ, Сульпиціемъ Северомъ, послужило образцомъ для всей агиографической литературы Запада. Первое житіе западнаго подвижника—оно вдохновило на аскетическій подвигъ множество поколѣній христіанъ. Оно было для нихъ, послѣ Евангелія, а, можетъ быть, и раньше Евангелія, первой духовной пищей, важнѣйшей школой аскезы. Почти въ каждомъ святомъ меровингской эпохи, которую Мабильонъ называетъ «золотымъ вѣкомъ агиографіи», мы узнаемъ фамильныя черты дѣтей Турскаго отца. Передъ этимъ вліяніемъ на рядъ столѣтій—во всякомъ случаѣ, до «Каролингскаго Возрожденія», блѣднѣютъ и полу-восточная школа Іоанна Кассіана и родственныя ему традиціи Лерина и Бенедикта Нурсійскаго. Всѣ три послѣднія подвижническія школы построены на началахъ духовной «разсудительности», умѣряющей крайности аскезы во имя дѣятельнаго, братскаго общежитія. Школа св. Мартина рѣзко отличается отъ нихъ героическою суровостью аскезы, ставящей выше всего идеаль уединеннаго подвига. Аскетическая идея въ вѣкъ Григорія Турскаго (VI в.) выражена съ величайшей силой и величайшей односторонностью.²⁾ И поиски истоковъ этой идеи неизмѣнно возвращаютъ насъ къ Турскому подвижнику IV столѣтія.

Критическая проблема біографіи св. Мартина впервые

¹⁾ Lesou de la Marche, Vie de Saint Martin, Tours 1895, p. 378.

²⁾ См. его Vitae patrum, а также житія галльскихъ святыхъ, изданныя въ Mon. Germ., Scriptores Regum Merovingicarum.

остро поставлена въ недавней работѣ Бабю.¹⁾ Этотъ талантливый, при всей своей радикальной прямолинейности, изслѣдователь (безвременно погибшій на войнѣ въ 1916 г.) убѣдительно показалъ, что мы знаемъ образъ Мартина такимъ, какимъ онъ отраженъ въ произведеніяхъ литератора Сульпиція Севера.²⁾ Житіе вышло не изъ круга близкихъ учениковъ святого, сложилось не въ его монастырѣ. Блестящій писатель, риторъ, историкъ, увлеченный, подобно многимъ изъ его современниковъ, аскетическимъ идеаломъ, Себеръ воплотилъ этотъ идеаль въ необычайно яркомъ, набросанномъ сильными мазками, въ импрессионистской манерѣ поздней античной реторики, образъ далекаго Турскаго аскета. Существованіе личной связи между ними несомнѣнно. Совершенно напрасно французскій ученый пытается свести ее къ одному путешествію Севера въ Турь, въ послѣдній годъ жизни святого.³⁾ Но столь же несомнѣнно, что авторъ не обладалъ добродѣтелью объективнаго самоограниченія. Страстный радикаль, онъ живетъ въ рѣзкой оппозиціи къ церковно-общественному строю своего времени, беспощадно относясь ко всему галльскому епископату, къ императорской власти. Созданный имъ образъ св. Мартина естественно вкладывается въ кругъ аскетическихъ и эсхатологическихъ идей автора. Бабю идетъ дальше. Предполагаемое имъ молчаніе, которое будто бы долго окутываетъ личность Мартина и его дѣло, приводитъ критика, къ скептическимъ заключеніямъ: Мартинъ, если не какъ историческая личность, то какъ герой западной аскезы, есть всецѣло созданіе Севера. Мы не можемъ присоединиться къ этой тезѣ по внѣшнимъ и внутреннимъ основаніямъ. Ученики Мартина, посѣщавшіе Сульпиція и св. Павлина (Ноланскаго), служившіе живою связью между единомышленниками-друзьями,⁴⁾ и другіе его ученики, занимавшіе уже въ то время епископскія кафедры,⁵⁾ ставятъ извѣстные предѣлы фантазіи агіографа. Съ другой стороны, Мартинъ, созданный только по литературнымъ образцамъ, не могъ бы получить такой неповторяемой оригинальности образа. Отъ человѣческаго воображенія требуютъ, какъ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ «созданій», черезчуръ многого. Къ сожалѣнію, если фантазія писателя безсильна создать религіозную

¹⁾ E.-Ch. Babut. Saint Martin de Tours. P., s. a. (1912).

²⁾ Vita Martini, Epistolae et Dialogi, ed. Halm. C S E L vol. I. (Vindob. 1866).

³⁾ Годъ смерти св. Мартина, какъ и вся его хронологія очень шатки. Послѣдняя работа Н. Delehaye даетъ для его жизни слѣдующія рамки: род. ок. 315, ум. 397.

⁴⁾ Таковы были Галль и Евхерій, извѣстные изъ діалоговъ Севера, и Викторъ, упоминаемый въ перепискѣ св. Павлина. P a u l i n i N o l a n i Epist. XXIII ed. Hartel.

⁵⁾ plerosque ex eis postea episcopos vidimus. Quae enim esset civitas aut ecclesia, quae non sibi de Martini monasterio cuperet sacerdotem? V. M. c. 10.

реальность, она способна по своему окрасить, исказить ее. Бабю правъ: «Легенда здѣсь оказывается болѣе историчной, чѣмъ реальность; она одна осталась живой въ исторіи».¹⁾ Св. Мартинъ не создалъ крѣпкой организаціи, живой школы, которой бы могъ завѣщать свою память. Для послѣдующихъ поколѣній Мартинъ живъ лишь постольку, поскольку воспринять Северомъ. И поскольку восполненъ имъ, живъ также.

О.Ипполитъ Делеэ,подготовляющій изданіе житія св.Мартина для Acta Sanctorum, посвятилъ большую, исчерпывающую работу критическимъ проблемамъ, вызваннымъ книгой Бабю.²⁾ Съ обычнымъ своимъ историческимъ тактомъ, онъ ввелъ въ истинныя пропорціи контуры проблемы, поставленной Бабю. Для внѣшней біографіи Мартина онъ далъ, быть можетъ, окончательную форму. Однако, глава современнаго болландизма, вѣрный своему историческому стилю, не пожелалъ подойти къ труднѣйшей задачѣ: воссозданія духовнаго облика сятаго.

Правда, задача эта вообще изъ тѣхъ, которыя выходятъ изъ кругозора современной исторической науки. До сего дня мы не имѣемъ исторіи святости, не имѣемъ даже исторіи аскезы. Книги, посвященныя этой темѣ, по большей части, не выходятъ изъ области внѣшнихъ фактовъ, внѣшнихъ связей, литературныхъ аксессуаровъ. Внѣ этого научнаго изученія остается обильная назидательно-легендарная литература. Но для послѣдней не существуетъ ни критической проблемы, ни чисто исторической: вліяній, филиаціи, развитія въ сферѣ духовной жизни. Проблема научнаго изученія святости, какъ явленія духовной жизни, только поставлена на очередь. Чрезвычайно интересная «Исторія аскезы» Штратмана³⁾ остановилась на самыхъ первыхъ шагахъ аскезы христіанской. Извѣстная книга Пурра⁴⁾ о «Христіанской духовной жизни», столь заманчивая своей темой, разочаровываетъ ея трактовкой. Для св. Мартина мы находимъ въ ней пять страницъ чисто внѣшняго очерка, общеизвѣстныя даты изъ главы: «La vie monastique en Gaule». Для духовной жизни и духовнаго облика сятаго — ничего. Въ сущности, и сейчасъ нѣсколько строкъ протестанта Гаука, которыя знаменитый историкъ посвятилъ мимоходомъ Турскому святому, остаются наиболѣе цѣнной характеристикой его подвижничества.⁵⁾ Впрочемъ, Гаукъ еще не знаетъ всѣхъ трудностей своего источника.

Вотъ почему книги Бабю и Делеэ не только оставляютъ

¹⁾ Babut, о. с. p. 166.

²⁾ «St. Martin et Sulpice Sévère». *Annalecta Bollandiana*. t. XXXVIII, Bruxelles 1920.

³⁾ H. Strathmann. *Geschichte der frühchristlichen Askese*. I. 1914.

⁴⁾ Pourrat. *La spiritualité chrétienne*. I. Des origines de l'Eglise au Moyen Age. Paris 1918.

⁵⁾ Hauck. *Kirchengeschichte Deutschlands* I, p. 49-61.

возможнымъ, но прямо вызываютъ на новое изученіе агиографіи С. Севера. Мы подходимъ къ ней, желая усмотрѣть образъ Мартина—христіанскаго подвижника, найти руководящую идею его подвига. Быть можетъ, эта задача окажется неразрѣшимой или превышающей наши силы, но постановка ея обязательна. Это «единое на потребу» церковно-исторической науки. «Все прочее къ ней приложится», — или исторія христіанской церкви въ нашихъ книгахъ будетъ по-прежнему оставаться коллекціей ор-д-эвровъ.

* * *

Извѣстно, на какую сверхчеловѣческую высоту поставилъ Сульпицій своего героя. Никто изъ восточныхъ подвижниковъ не можетъ сравниться съ нимъ. Онъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ апостолами и превосходитъ ¹⁾ всѣхъ святыхъ. ²⁾ Никто, кромѣ Мартина, не вокрещалъ мертвыхъ ³⁾ Основное впечатлѣніе отъ этого образа — подавляющей духовной мощи: ⁴⁾ Мартинъ, окруженный ангелами⁵⁾, общающійся со святыми⁶⁾ и Христомъ, постоянно посрамляющій діавола и грозно повелѣвающій земнымъ владыкамъ. На небесахъ онъ немедленно же по смерти занимаетъ для своихъ поклонниковъ положеніе, которое по праву принадлежитъ только Христу или, столѣтіями позже, Богоматери: «единственной, послѣдней надежды на спасеніе». ⁷⁾ Но, прежде всего, онъ великій чудотворецъ.

Собственно говоря, удареніе, которое ставитъ Сульпицій на этой чудотворной силѣ Мартина, мало согласуется съ его общей оцѣнкой чуда. Чудеса могутъ творить всѣ, по слову Господа. Только «несчастные, выродки, сонливцы, не будучи въ состояніи творить ихъ сами, краснѣютъ отъ чудесъ св. Мартина и не вѣрятъ имъ». ⁸⁾ Чудотвореніе совмѣстимо даже съ недостойной совѣстью. Сульпицій знаетъ примѣры чудотворцевъ, одержи-

¹⁾ Apostolica auctoritas V. M. 20, 1; consertus apostolis et profetis Ep. II, 8; meritoque hunc iste Sulpitius apostolis comparat et prophetis, quem per omnia illis esse consimilem D II 5, 2.

²⁾ in illo iustorum grege nulli secundus Ep. II, 8; nullius unquam cum illius viri meritis profiteor conferendam esse virtutem D I, 24, 2.

³⁾ a nemine retulisti mortuum suscitatum D. I 24, 5; nemo illorum (eremitarum) mortibus imperavit D II 5, 2.

⁴⁾ ut... potens et vere apostolicus haberetur V. M. 7, 7; imperat... potenti verbo (птицамъ) — eo... circa aves usus imperio, quo daemones fugare consueverat. Ep. III, 8; nec labore victum, nec morte vincendum Ep. III, 14. Ср. видѣніе Мартина Северу: vultu igneo, stellantibus oculis, crine purpureo Ep. II, 3.

⁵⁾ D I 25, 3; D II 5, 7; D II 12, 11

⁶⁾ D II 13

⁷⁾ sarcina molesta me... ducit in tartara. Spes tamen superest, illa sola, illa postrema, ut quid per nos obtinere non possumus, saltem pro nobis orante Martino mereamur. Ep. II 18.

⁸⁾ D I 26, 5-6.

мыхъ бѣсомъ тщеславія.¹⁾ Не безъ юмора онъ рисуеъ встрѣчающійся въ его время типъ мнимаго святаго (*errore sanctus*), раздутаго молвой и поклоненіемъ. «Если у него послѣдуютъ хоть какія-нибудь маленькія чудеса, онъ будетъ считать себя ангеломъ.»²⁾

И однако, по тому, какъ Сульпицій построилъ свое житіе, видно, что для него это выявленіе духовной мощи имѣетъ первенствующее значеніе. Дѣйствительно, только здѣсь, а не въ аскетическомъ подвигѣ, Мартинъ превосходитъ восточныхъ отцовъ (главная идея «Диалоговъ»). Превосходитъ не только изумительностью чудесъ — воскрешеніе мертвыхъ —, но и формальнымъ ихъ характеромъ. Отъ проницательнаго критика³⁾ не укрылось, что, въ отличіе отъ чудесъ Антонія Великаго (литературный образецъ для Севера), Мартинъ обладаетъ чѣмъ-то вродѣ «*fluide personnel*». Мартинъ представляется источникомъ самостоятельной мощи — *virtus*; Антоній творитъ чудеса всегда по молитвѣ: не онъ, а Богъ исцѣляетъ.⁴⁾ Конечно, между св. Аѳанасіемъ и Сульпиціемъ не можетъ быть богословскихъ расхожденій по вопросу о чудѣ;⁵⁾ но разница въ психологическомъ воспріятіи чуда огромная. Именно благодаря личному характеру силы, становится возможнымъ чудо, совершаемое Мартиномъ *по ошибкѣ*, какъ остановка погребальнаго шествія (впрочемъ, *signo crucis*)⁶⁾. Чудеса творятъ и другіе именемъ Мартина. Можно приказать собакѣ замолкнуть *in nomine Martini*: «и лай прервался въ глоткѣ; она умолкла, словно ей отрѣзали языкъ»⁷⁾.

Источникъ этой сверхчеловѣческой силы — аскеза.⁸⁾ Но какъ разъ аскетическія достиженія Мартина интересуютъ агіографа въ самыхъ общихъ чертахъ. Повидимому, восточный опытъ остается непревзойденнымъ, — и въ этомъ извѣстная порука Северовой правдивости. Если не для Мартина, то для аскетическаго

1) D I 20 Ср. рассказъ о недостойномъ инокѣ Анатоліи V. M. c. 23, 3: *signis quibusdam plerosque coartabat*; объ испанскомъ лже-Христѣ (*multis signis*), *ib.* 24, 1.

2) D. I, 21.

3) Babut, o. c. p. 83 n. 1.

4) Athanasius Alex. *Vita sancti Antoni*, c. 53.

5) И нѣкоторыя чудеса Мартина совершаются по молитвѣ: *imminens periculum oratione repulit* c. 6, 6; *cum aliquandiu orationi incubuisset* (при воскрешеніи мертваго); *aliquantisper oravit* (надъ мертвымъ V. M. c. 8, 2) Cf. c. 14, 4; c. 16, 7: *familiaria arma* c. 22, 1; D. II, 4: *nota praesidia*, D, II, 5, *nota subsidia* D III, 8,7; D III, 14, 4. Чудеса, совершаемыя безъ молитвы: V. M. c. 12, 13, 14, 1-2, c. 15, c. 17, 18, 19. Ер. III 8.; D. II, 2, 3; D II 8, 7-9; D. II 9, 1-3; D. III 3, 3; D. III, 8, 2, *Virtus III*, 9, 3; D. III. 10

6) V. M. c. 12: *cum voluit stare conpulit, et cum libuit, abire permisit*. Чудеса отъ его одежды, V. M. c. 18, 4, собственноручнаго письма, c. 19, 1.

7) D. III 3, 7-8: *ita parum est ipsum Martinum fecisse virtutes: credite mihi, quia etiam alii in nomine eius multa fecerunt*.

8) Cf. Babut, p. 252 sq.

кружка Сульпиція Севера представляється очевиднимъ, что, въ частности, дієтическій режимъ Египта долженъ быть смягченъ въ Галліи ¹⁾. Подвигъ Мартина въ воздержаніи, въ постахъ, ²⁾ бдѣніяхъ и молитвахъ, не столько въ чрезмѣрности ихъ, сколько въ непрерывности, *perseverantia* ³⁾ Кардинальная добродѣтель Мартина — это мужество-*fortitudo* ⁴⁾. Совершенно стоическими чертами рисуется ровная невозмутимость его духа - *aequanimitas*: «никто никогда не видѣлъ его разгнѣваннымъ, никто — взволнованнымъ, никто — печальнымъ, никто — смѣющимся: всегда онъ былъ одинъ и тотъ же — *unus idemque*» ⁵⁾. Съ этой невозмутимостью согласуется *gravitas* и *dignitas* его рѣчей. ⁶⁾ Ровность духа не изгоняетъ съ лица Мартина выраженія «небесной радости», придававшей ему нѣчто не отъ человѣческой природы. ⁷⁾

Эта вѣчная ясность, кажется, исключаетъ покаянное настроеніе, плачь о грѣхахъ, и, дѣйствительно, Сульпицій нигдѣ не указываетъ на покаяніе, какъ на мотивъ аскезы. ⁸⁾ Самъ Сульпицій—грѣшникъ—знаетъ «страхъ суда и ужасъ наказаній»; «воспоминаніе о грѣхахъ дѣлаетъ его печальнымъ и измученнымъ». ⁹⁾ Но это не для героя. Мартинъ въ изображеніи Севера свободенъ отъ страха и раскаянія. ¹⁰⁾ Вѣра въ свою спасенность выражается и въ предсмертныхъ словахъ, обращенныхъ къ діаволу: «Что ты стоишь здѣсь, кровожадный звѣрь? ничего ты не найдешь во мнѣ, злодѣй: я отхожу на лоно Авраа-

¹⁾ D. I 4, 5; I 5, 1; I 8, 5, I 13, 14; I 20, 4; II 8, 2.

²⁾ На островѣ Галлинарій Мартинъ питался кореньями. V. M. c. 6, 5. Власяница: V. M. 18, 4. Ер. III, 17, но не всегда: D. II, 5, 6, III 6, 4. Ложе на пеплѣ Ер. III, 14.

³⁾ *illam scilicet perseverantiam et temperamentum in abstinentia et in ieiuniis, potentiam in vigiliis et orationibus, noctesque ab eo perinde ac dies actos nullumque vacuum ab opere tempus* V. M. c. 26, 2. Cf. c. 10, 1: *idem enim constantissime perseverabat qui prius fuerat.*

⁴⁾ *fortitudo vincendi, patientia expectandi, aequanimitas sustinendi* Ер. II 13.

⁵⁾ V. M. 27, 1 Cf. V. Antoni 67: *semper eandem faciem inter prospera et adversa* (Цитаты изъ V. Antoni по латинскому переводу Евагрія IV вѣка, Mi. P. G. 26, 835 sq). Спокойствіе Мартина среди разбойниковъ. V. M. c. 5, 5.

⁶⁾ V. M. 25, 6.

⁷⁾ *caelestem quodammodo laetitiam vultu proferens extra naturam hominis videbatur* V. M. 27, 1. Cf. V. Antoni 67: *semper hilarem faciem gerens.*

⁸⁾ V. Antoni, въ переводѣ Евагрія, — литературный образецъ Севера осуждаетъ печаль о грѣхахъ: *nunquam gressu tione pressati tristitia ora contraxit*, c. 14. Въ греческомъ текстѣ подчеркнутыя слова отсутствуютъ.

⁹⁾ Ер. II, 1.

¹⁰⁾ Ср. однако Ер. I, 14: *non sine gemitu fatebatur diaboli arte deceptum. D. III 13, 3: maestus ingemesceret se vel ad horam noxiae communioni fuisse permixtum... angelus: merito, inquit, Martine, conpungeris (4)... cum lacrimis (5).*

мово». ¹⁾ Здѣсь выражено не только личное самосознаніе: Известный моральный оптимизмъ утверждается Мартиномъ и въ общей сентенціи: «Старыя преступленія очищаются достойной жизнью, и, по милосердію Божію, должны быть освобождены отъ грѣховъ тѣхъ, которые перестали грѣшить». ²⁾ Не на милосердіи, которое все покрываетъ, лежитъ здѣсь удареніе, но на *melior vita*; святой серьезно считается съ возможностью перестать грѣшить. Правда, нѣсколько иной оттѣнокъ принимаетъ эта мысль въ радикальномъ заключеніи: и діаволь можетъ надеяться на прощеніе, если раскается хотя бы передъ Суднымъ днемъ: «уповая на Господа Іисуса Христа, я обещаю тебѣ милосердіе». ³⁾ Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заслугахъ. Но для *человѣческихъ* усилій и борьбы открыто свободное поле.

Съ кѣмъ ведется эта борьба? Мы ничего не слышимъ объ искушеніяхъ плоти и духа, о борьбѣ съ грѣхомъ. Мартинъ выше *человѣческихъ* слабостей. Но діаволь, несмотря на постоянныя пораженія, не устаетъ его преслѣдовать. Мартинъ отъ юности поставленъ въ роковую неизбѣжность этого единоборства. ⁴⁾ По истинѣ, онъ имѣетъ дѣло съ жалкимъ противникомъ. Безсильный соблазнить, врагъ мечтаетъ только обмануть, но Мартинъ съ неизбѣжнымъ провидѣніемъ разоблачаетъ его во всѣхъ личинахъ и отражаетъ его діалектику ⁵⁾. Всегда побѣдоносная, борьба не перестаетъ быть напряженной. «Тяжка, Господи, тѣлесная брань... службу Твою буду вѣрно нести, подъ знаменами Твоими буду сражаться, доколѣ Самъ повелишь» ⁶⁾ Мартинъ, нѣкогда отказавшійся отъ службы императору, становится воиномъ Христовымъ. Этотъ языкъ милитаризма обыченъ для христіанскаго подвижничества. Еще ап. Павелъ освятилъ его употребленіе ⁷⁾, Разница лишь въ томъ, что не знающая поражений война утрачиваетъ для Мартина свою опасность ⁸⁾.

Совершенный воинъ Христовъ — это мученикъ, пролившій кровь за Христа. Но и этотъ вѣнецъ, по истинѣ, принадлежитъ Мартину. «Хотя условія времени не могли дать ему мученичества, онъ не лишается славы мученика, ибо волею своею и доблестью могъ и хотѣлъ быть мученикомъ... Родись онъ въ другое время, онъ добровольно взошелъ бы на дыбу, самъ

¹⁾ Ер. III, 16.

²⁾ V. M. 22, 4.

³⁾ *si tu ipse, miserabilis, ab hominum insectatione desisteres et te factorum tuorum vel hoc tempore, cum dies iudicii in proximo est, paeniteret, ego tibi vere confisus in Domino Jesu Christo misericordiam pollicerer.* V. M. 22, 5.

⁴⁾ *quocumque ieris et quaecumque temptaveris, diabolus tibi adversabitur.* V. M. c. 6.

⁵⁾ V. M. c. c. 21-24.

⁶⁾ Ер. III, 13.

⁷⁾ Эфес. 6, 14-17.

⁸⁾ Ср., впрочемъ, строгій запретъ общенія съ лицами другого пола Д. II, 7, II, 11; II, 12. Точка зрѣнія самого Сульпиція I 9, 1.

бы бросился въ огонь...веселясь язвами и радуясь мукамъ, онъ смѣялся бы среди пытокъ». ¹⁾ Впрочемъ, своими добровольными страданіями «онъ совершилъ безкровное мученичество». ²⁾ Какова же цѣль этого вольнаго мученичества или войны? На этотъ счетъ Сульпицій необычайно лакониченъ, какъ и вообще онъ неохотно вводитъ насъ во внутренній міръ святого. Иногда мы слышимъ, что Мартинъ подвизается «ради вѣчности» ³⁾ Царство Божіе, какъ обѣтованіе грядущаго ⁴⁾, (не достиженіе настоящаго въ особой мистической жизни) требуетъ жертвы, отреченія. Въ этомъ путь Христовъ. «Бесѣды его (Мартина) съ нами всѣ были объ одномъ: какъ нужно оставить прелести міра и тягости этого вѣка, чтобы свободно, несвязанными слѣдовать за Іисусомъ». ⁵⁾ Созерцаніе и богообщеніе нигдѣ не полагаются цѣлью аскезы. Сама молитва разсматривается, какъ трудъ и духовное упражненіе. Подчеркивается ея непрерывность, и языкъ автора пользуется для ея характеристики механическими сравненіями. «Не прошло ни одного часа, ни мгновенія, когда бы онъ не прилежалъ молитвѣ или не трудился надъ чтеніемъ, хотя даже среди чтенія или иныхъ занятій онъ никогда не ослаблялъ ума отъ молитвы. Подобно тому, какъ кузнецы среди работы, ради облегченія труда, бьютъ время отъ времени о наковальню, такъ и Мартинъ даже тогда, когда, по внѣшности, былъ занятъ другимъ дѣломъ, всегда молился». ⁶⁾ Конечно, молитва Мартина изображается и иначе: какъ актъ волевого напряженія, устремленности къ небу. Таковы нѣкоторыя молитвы при совершеніи чудесъ и особенно предсмертная молитва Мартина ⁷⁾.

Была и у Мартина «нѣкая внутренняя жизнь», и «цухъ его всегда былъ устремленъ къ небу», но Сульпицій безсиленъ говорить объ этомъ ⁸⁾.

Эти черты естественно смыкаются въ цѣльный образъ: христіанскаго стойка, героическими трудами завоевывающаго Царство Небесное. Такимъ остался Мартинъ въ памяти ближайшихъ варварскихъ столѣтій, жившихъ подъ могучимъ впечатлѣніемъ его легенды.

Однако впечатлѣніе это грѣшитъ большой односторонно-

¹⁾ Ep. II 9-10.

²⁾ inplevit tamen sine cruore martyrium Ib. 12.

³⁾ Pro spe aeternitatis, ibidem.

⁴⁾ spes futurorum Ep. III, 1.

⁵⁾ V. M. c. 25, 4. Cf. «familiare illud ori suo crucis nomen». Ep. II, 4.

⁶⁾ V. M. c. 26, 3-4.

⁷⁾ Oculis... ac manibus in caelum semper intentis invictum ab oratione spiritum non relaxabat. Ep. III, 14.

⁸⁾ interiorem vitam illius et conversationem cotidianam et animum caelo semper intentum nulla unquam — vere profiteor — nulla explicabit oratio. V. M. c. 26, 2. Cf. c. 1, 7: adeo ea, in quibus ipse tantum sibi conscius fuit, nesciuntur.

стью. Существенно иные черты привходятъ въ образъ стойка, осложняя, измѣняя его до неузнаваемости. Со страницъ Сульпиція глядитъ на насъ другое лицо, въ которомъ мы съ трудомъ признаемъ героя - Мартина. Но это именно лицо запечатлѣно такой духовной красотой и неповторимымъ своеобразиемъ, что для насъ оно обладаетъ гораздо большей убѣдительностью, чѣмъ понятный варварамъ эпическій Мартинъ. Этотъ другой Мартинъ не только слѣдуетъ за Христомъ по пути отреченія; онъ съ необычайной для его современниковъ чуткостью воспринялъ въ себя образъ Христа и живетъ органическимъ подражаніемъ ему. Образъ Христа смягчаетъ суровость его подвига, сообщая ему эмоциональную жизнь. Мартинъ видитъ Христа въ униженіи и любви. Когда искушитель является ему въ образъ Христа, но въ царственномъ одѣяніи, «sereno ore, laeta facie», Мартинъ легко посрамляетъ его: «Господь Іисусъ не обѣщаль прійти въ пурпуръ и сіяющимъ діадемой: я не повѣрю въ пришествіе Христа, если не увижу Его въ томъ одѣяніи и образъ, въ которомъ онъ страдалъ, носящимъ язвы крестныя». ¹⁾ Въ нищемъ, которому Мартинъ отдаетъ половину своего плаща, является ему Христосъ.²⁾ Бѣдность и для Мартина и для Севера является одной изъ основныхъ добродѣтелей.³⁾ Вотъ почему — а не изъ аскетической борьбы со своей гордостью — Мартинъ ищетъ униженія.

Живя въ крайней скудости, онъ имѣетъ жалкій видъ.⁴⁾ Когда рѣшался вопросъ о посвященіи его въ епископы, собравшіеся іерархи были шокированы его «жалкимъ лицомъ, грязной одеждой, запущенными волосами».⁵⁾ Этой *vilitas* въ одеждѣ Мартинъ не измѣнилъ и послѣ посвященія: ей соотвѣтствовала *humilitas* въ его сердцѣ.⁶⁾ Его смиреніе идетъ такъ далеко, что разрушаетъ самыя основы іерархическаго строя въ міру и въ церкви. Будучи воиномъ и пользуясь услугами раба, Мартинъ переворачиваетъ на изнанку социальныя отношенія между ними, оказывая своему слугѣ рабскія услуги: прислуживается ему за столомъ, снимаетъ и чиститъ его обувь.⁷⁾

Епископомъ Мартинъ «никого не судилъ, никого не осуждалъ, никому не воздавалъ зломъ за зло...такъ что, хотя онъ и

¹⁾ V. M. c. 25, 3, Cf. H a u s k. K. G. I. 55.

²⁾ Martinus adhuc catechumenus hac me veste contexit. ib. c. 3, 3 со ссылкой на M. 25, 40.

³⁾ Martinus pauper et modicus caelum dives ingreditur Ep. III 21. Ср. характеристику самого Севера у Геннадія: paupertatis atque humilitatis amore conspicuus. (De viris illustribus c. 19).

⁴⁾ contemptibilem esse personam. V. M. c. 9, 3.

⁵⁾ vultu despicabilem, veste sordidum, crine deformem. Ib.

⁶⁾ Ib. c. 10, 2. eadem in corde eius humilitas, eadem in vestitu eius vilitas erat.

⁷⁾ V. M. c. 2. 5. Рядомъ съ этимъ омовеніемъ епископомъ ногъ у странника (V. M. c. 25, 3) является скорѣе частью быта. Ср. цѣлованіе ногъ въ кругу Севера D. I. 2.

былъ архипастыремъ, но его безнаказанно оскорбляли даже низшіе клирики». ¹⁾ Смирение заставляетъ его, въ сознаниі своего недостойнства, отступаться отъ чуда. Тотъ самый Мартинъ, который не колеблется воскрешать мертвыхъ, вдругъ объявляетъ себя недостойнымъ исцѣлить больную дѣвушку и уступаетъ лишь принужденію епископовъ. ²⁾ Принципъ униженія, конечно, аскетическій принципъ. Но качество его, религиозное сознание его иное, чѣмъ въ аскезѣ трудовой и героической.

Самоуниженіе одной стороной своей сближается съ аскезой, т.е. съ самопреодоленіемъ (законъ нищеты проистекаетъ изъ обоихъ источниковъ); но само по себѣ оно есть нѣчто большее, чѣмъ аскетическое средство: непосредственное выраженіе религиознаго опыта, у Мартина — сопереживанія Христа. Потому-то оно стоитъ у него въ тѣснѣйшей связи съ любовью, проистекающей изъ того же откровенія Христа. «На устахъ его одинъ Христосъ, въ сердцѣ его одна любовь, одинъ миръ, одно милосердіе». ³⁾ Мартинъ молится за своихъ оскорбителей. ⁴⁾ Онъ выкупаетъ плѣнныхъ. ⁵⁾ Онъ проситъ у комита, ⁶⁾ у императора ⁷⁾ освобожденія узниковъ, прощенія опальныхъ. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что пролилась кровь еретиковъ, и порываетъ общеніе со всѣмъ виновнымъ въ этомъ грѣхѣ епископатомъ. ⁸⁾ Любовь Мартина находитъ выраженіе въ жестяхъ, которые могутъ быть названы этически геніальными. Всѣ мы помнимъ, какъ онъ, еще будучи воиномъ и оглашеннымъ, одѣваетъ нищаго оторванной половиной своего плаща. На восемь столѣтій упреждая христоролюбца Франциска, Мартинъ цѣлуетъ прокаженнаго ⁹⁾ — актъ, въ которомъ мы вправѣ видѣть, какъ выраженіе любви, такъ и аскезы униженія.

Любовь его изливается и на животныхъ съ чуткостью, необычной для западнаго христіанина IV столѣтія. Если бл. Августинъ съ любопытствомъ наблюдаетъ погоню собаки за зайцемъ, ¹⁰⁾ то Мартинъ въ аналогичномъ случаѣ спасаетъ преслѣдуемое животное. ¹¹⁾ Сульпицій съ удивленіемъ останавливается передъ

¹⁾ *ib.* с. 26, 5.

²⁾ Cf. D. III, 2, 4. V. M. с. 16. hoc suae non esse virtutis... non esse se dignum (16, 5).

³⁾ V. M. 27, 2.

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ D. III. 14.

⁶⁾ D. III. 4.

⁷⁾ V. M. с. 20, 2; D. II 7, 3.

⁸⁾ О процессѣ присцилліанистовъ и роли Мартина въ немъ см. *V a b u t, Priscillien et le priscillianisme*, p. 168 sq. (освѣщеніе событій очень субъективное); *Delehaye*, о. с. p. 61 sq.

⁹⁾ *Apud Parisios — leprosum miserabili facie horrentibus cunctis osculatus est atque benedixit.* V. M. с. 18, 3.

¹⁰⁾ *Confessiones*, lib. X, с. 35, n. 57.

¹¹⁾ D. II 9, 6.

зрѣлищемъ этой неоскудѣвающей любви, рѣдкой, « въ нашъ холодный вѣкъ, когда она хладѣетъ даже въ святыхъ мужахъ». ¹⁾ Даже умирающій Мартинъ колеблется между любовью къ покидаемымъ братьямъ и желаніемъ соединиться со Христомъ. ²⁾

Быть можетъ, здѣсь всего умѣстнѣе упомянуть о неожиданныхъ чертахъ юмора въ строгомъ обликѣ Мартина. Ни въ стоическомъ безстрастіи, ни въ юродствѣ смиренія они не находятъ объясненія, но легче всего уясняются, какъ выраженіе любви къ тварямъ (подобно юмору Франциска). Замѣчательно, что немногочисленные примѣры «духовнаго остроумія» Мартина, приводимые Северомъ, ³⁾ обращены къ природѣ и животнымъ. Таково сравненіе стриженной овцы съ христіаниномъ, отдавшимъ одну рубашку.

Впрочемъ, и любовь сближается Сульпиціемъ съ аскезой. Любовь Мартина только *состраданіе*, никогда — *сорадованіе*: слѣдовательно, она исполняетъ его скорбью: «чьимъ горемъ не болѣлъ онъ? чьимъ соблазномъ не уязвлялся? Чья гибель не заставляла его стенать?» ⁴⁾ И перечисляя права Мартина не «безкровное мученичество» Север вслѣдъ за «голодомъ, бдѣніями, наготой, постами поношеніями завистниковъ, преслѣдованіями злыхъ непосредственно приводитъ «заботу о немощныхъ, безпокойство за подвергающихся опасностямъ.» ⁵⁾ Такъ господствующая идея аскезы стремится подчинить себѣ всѣ проявленія духовной жизни, первоначально отъ нея независимыя. Аскеза, равнозначущая мученичеству, какъ источникъ святости и мощи (*virtus*) — такова первая и послѣдняя идея Северова житія св. Мартина.

На этомъ принципѣ Сульпицій строитъ цѣлую социальную философію, антикультурную и разрушительную въ своихъ выводахъ. Принципъ аскетическаго униженія, «истощанія» перерастаетъ форму личной добродѣтели (смиренія) и дѣлается мѣриломъ для суда надъ міромъ. Это потому, что въ основѣ его у Сульпиція лежитъ не опытъ собственной моральной нищеты, («блаженны нищіе духомъ»), о созерцаніе нищаго, истощившаго себя Христа. Въ свѣтѣ униженія Христова истлѣваютъ всѣ культурныя цѣнности.

Мартинъ сынъ воина, не получившій никакого образованія. ⁶⁾ Это не мѣшаетъ прелести его бесѣдъ и глубокому проникновенію

¹⁾ Ep. III. 14. Cf. Ep. III, 11: totus semper in Domino misericordiae visceribus afluebat.

²⁾ dubitavit paene quid mallet, quia nec hos deserere nec a Christo volebat diutius separari... lacrimasse perhibetur Ep. III 11. Въ основѣ, можетъ быть, лежитъ Филип. 1, 21-25.

³⁾ verba spiritualiter salsa, D. II 10.

⁴⁾ Ep. II 13.

⁵⁾ Ep. II. 12.

⁶⁾ homini illiterato V. M. 25, 8. Ср. для контраста характеристику Присцилліана въ хроникѣ того же Сульпиція: «plus iusto inflatior profanarum rerum scientia». Chr. II 46, 5.

въ смыслъ св. Писанія. 1) Все остальное въ наукъ для Севера — утонченнаго ритора — вредный вздоръ. Съ обычнымъ тщеславіемъ обращенныхъ литераторовъ 2) онъ старается извинить свой будто бы «необработанный слогъ». 3) Но къ чему все это? «Царство Божіе не въ краснорѣчіи, а въ вѣрѣ... Долгъ человѣка искать вѣчной жизни, а не вѣчной памяти» 4). «Какую пользу получило потомство, читая о битвахъ Гектора, или о философіи Сократа? когда не только подражать имъ глупость, но безуміе не нападать на нихъ самымъ жестокимъ образомъ». 5)

Эти выпады противъ античной культуры въ устахъ Севера не новы; они общи у него съ бл. Августиномъ, Іеронимомъ, почти всѣми его современниками. Оригинальна для Севера суровость въ отверженіи соціальныхъ формъ жизни. Онъ ненавидитъ деньги даже тогда, когда они употреблены на доброе дѣло. Одинъ святой пресвитеръ изъ Киренаики отказывается взять десять солидовъ, даръ для своей бѣдной церкви, съ такимъ обоснованіемъ: «Церковь не строится золотомъ, но разрушается имъ». 6) Такъ и Мартинъ бросаетъ дары, полученные имъ отъ императора, — «какъ всегда, на стражъ своей бѣдности». 7) Впрочемъ, мы видимъ Мартина принимающимъ денежныя суммы, — но для выкупа плѣнныхъ, — и расточающимъ ихъ на эту благую цѣль прежде, чѣмъ тяжелое бремя золота достигло монастырскаго порога. 8) Въ монастырѣ Мартина нѣтъ мѣста никакимъ искусствамъ или ремесламъ, кромѣ письма; да и тѣмъ занимаются малолѣтніе. 9)

Служба государству «безполезна». 10) Мартинъ считаетъ несовмѣстимой воинскую службу со званіемъ христіанина и бросаетъ ее передъ битвой. «Christi ego miles sum: pugnare mihi non licet» 11). Не разъ отмѣчался своеобразный республиканизмъ Севера, вѣрнѣе, ненависть къ царской власти, сказавшаяся въ его Хроникѣ. 12) Достаточно суровъ онъ къ государямъ и

1) quam acer, quam efficax erat, quam in absolvendis scripturarum quaestionibus promptus et facilis: me ex nullius unquam ore tantum scientiae, tantum (ingenii) boni et puri sermonis audisse. V. M. C. 25, 6.

2) Ср. его литературное кокетство Ep. III 1-3; D. I, 23.

3) sermo incultior legentibus displiceret V. M. Prol. 1.

4) Ib. 3 и с. 1, 4.

5) non acerrime etiam inpugnare dementia. ib. с. 1, 3.

6) ecclesiam auro non instrui, sed potius destrui. D. I 5, 6.

7) D. II 5, 10.

8) D. III, 14. Для управленія монастырскимъ имуществомъ въ Мармутѣ поставленъ діаконовъ. D III 10, 2. Тамъ есть и наемные рабочіе V. M. 21, 3.

9) ars ibi exceptis scriptoribus nulla habebatur, cui tamen minor aetas deputabatur V. M. с. 10, 6.

10) inutilem militiam D I 22, 2.

11) V. M. с. 4. Ср. выше: solo licet nomine militavit (с. 3), non tamen sponte (с. 2, 2).

12) regum nomen, cunctis fere liberis gentibus perinvisum Chr. I 32; slultitia regum omnium, qui sibi divina vindicant. Ibid. II 7.

въ своей агиографіи Мартина 1) Юліанъ называется тираномъ безъ упоминанія о его язычествѣ: при этомъ отношеніе его къ Мартину, въ изображеніи Севера, далеко отъ жестокости.²⁾ Валентиніанъ изображенъ суровымъ гордецомъ, не допускающимъ къ себѣ святого: огонь, охватившій его тронъ по силѣ Мартина, научаетъ его уважать чудотворца.³⁾ Максимъ, характеристика котораго странно двоятся, необычайно искательный передъ Мариномъ, встрѣчаетъ съ его стороны открытое неуваженіе. «Не взирая на многократныя приглашенія, Мартинъ уклонялся отъ его пировъ, говоря, что не можетъ быть участникомъ трапезы того, кто лишилъ одного императора царства, другого жизни».⁴⁾ Но если этотъ урокъ можно объяснить принципомъ лояльности, то слѣдующій говоритъ о невысокой оцѣнкѣ царской власти, какъ таковой. Мартинъ, удостоившій, наконецъ, своимъ присутствіемъ царскій пиръ и получившій изъ рукъ Максима первый кубокъ, передаетъ его послѣ себя не императору, а пресвитеру, говоря, что «недостойно было бы для него предпочесть самого царя пресвитеру».⁵⁾ Императрица, жена Максима, не знаетъ, какъ сильнѣе унизиться передъ Мариномъ. Она прислуживаетъ ему за столомъ и, распростершись на землѣ, не можетъ оторваться отъ его ногъ».⁶⁾ Не смиреніе ея, а униженіе ⁷⁾ передъ Мариномъ приковываетъ вниманіе автора, который вводитъ въ свое повѣствованіе и другихъ правителей — префектовъ и комитовъ — въ тѣхъ же двухъ положеніяхъ: личнаго униженія или наказаннаго тиранства. Мартинъ отказывается пригласить на пиръ префекта Винценція, несмотря на приводимый послѣднимъ примѣръ Амвросія Миланскаго: этотъ поступокъ мотивируется нежеланіемъ поощрять тщеславіе вельможи ⁸⁾. Комитъ Авиціанъ — это «звѣрь, питающійся человѣческой кровью и смертью несчастныхъ... Мартинъ видѣлъ у него за спиной демона огромной величины». Но, укрощенный Мариномъ, тиранъ, по крайней мѣрѣ въ Турѣ, безвреденъ ⁹⁾.

Сулпицій не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы заклеить, съ одной стороны, преступное вмѣшательство государства въ дѣла церкви, ¹⁰⁾ съ другой — раболѣпство развра-

1) Ср. общее сужденіе о «тріумфаторахъ»: *illi post triumphos suos in tartara saeva trudentur.* Ep. III 21.

2) V. M. c. 4.

3) D II 5, 5-10.

4) V. M. c. 20, 2.

5) Ib. c. 20, 6.

6) D II 6, 4.

7) *Istius adsiduitatem, immo potius servitutem* D. II, 6, 4.

8) *ne qua ex hoc vanitas adque inflatio obreperet* D I 25, 6.

9) *Turonis tantum innocens erat* D. III 8, 1-3.

10) *Saevum esse et inauditum nefas, ut causam ecclesiae iudex saeculi iudicaret.* Chr. II 50, 5. Cf. D. I. 7, 2: *saevo exemplo.*

щеннаго епископата передъ государемъ.¹⁾ Одинъ Мартинъ «почти исключительный примѣръ того, какъ лести царской не уступила святительская твердость». ²⁾ Даже тогда, когда Мартинъ печалуется передъ императоромъ за осужденныхъ, «онъ скорѣе повелѣваетъ, нежели просить». ³⁾ Смиранный передъ всѣми, сносящій обиды клириковъ, умывающій ноги гостямъ,⁴⁾ Мартинъ становится необычайно суровъ и властенъ въ обращеніи съ представителями государства. Чтобы посрамить ихъ гордость, онъ забываетъ о собственномъ смиреніи. А между тѣмъ въ основѣ, какъ личной кротости, такъ и общественной непримиримости одинъ и тотъ же религиозный опытъ: образъ уничиженнаго Іисуса.⁵⁾

Этотъ евангельскій образъ, ожившій въ Мартинѣ, требуетъ отъ него и дальнѣйшаго отрыва отъ историческаго, даже церковнаго быта. Мартинъ (или Северъ) не для того возстаетъ противъ вмѣшательства государства въ дѣла церкви, чтобы бороться за церковную теократію. Къ церковной іерархіи они проявляютъ большую холодность. Мы видѣли, какъ низко цѣнилъ Мартинъ свою собственную епископскую власть.⁶⁾ Извѣстно, что онъ, какъ и Северъ, живетъ въ открытой враждѣ съ галльскими епископами.⁷⁾ При избраніи своемъ Мартинъ встрѣтилъ оппозицію именно со стороны епископата.⁸⁾ Да и впоследствии у него, по словамъ Севера, не было враговъ, кромѣ епископовъ.⁹⁾ Они готовы были, по словамъ Севера, добиться отъ императора смертнаго приговора для Мартина, какъ виновнаго въ соучастіи съ еретиками (присциллианистами)¹⁰⁾. Святой уклоняется отъ общенія съ епископами Галліи,¹¹⁾ за исключеніемъ двухъ, ему преданныхъ, не посѣщаетъ соборовъ и счи-

1) foeda circa principem omnium adulatio notaretur seque degeneri inconstantia regiae clientelae sacerdotalis dignitas subdidisset V. M. 20, 1.

2) Ibidem.

3) Imperavit potius quam rogavit. Ibid. с. 20, 2.

4) Ibid. 25, 3.

5) Умѣстно вспомнить, что у другого социальнаго радикала младшаго поколѣнія (V в.), тѣсно связаннаго съ аскетическими кругами Галліи (Леринъ), у С а л ь в і а н а, въ основѣ его ригоризма лежитъ тотъ же образъ Іисуса: «вселенскій Страдалецъ, самый бѣдный въ мірѣ, ибо чувствуетъ бѣду всѣхъ».

6) Не понимаемъ, какъ могъ Zöckler усмотрѣть въ немъ «eine Synthese von bischöflicher Regententugend und von asketischer Strenge». Askese und Mönchtum, В. II, р. 333.

7) Мартинъ живетъ inter clericos dissidentes, inter episcopos saevientes, cum fere cotidianis scandalis. D. I, 24, 3.

8) pauci tamen et nonnulli ex episcopis... impie repugnabant. V. M. с. 9.

9) non alii fere insectatores eius, licet pauci admodum, non alii tamen quam episcopi ferebantur ib. с. 27, 3; Cf. D. I, 26, 3.

10) nec multum aberat, quin cogeretur imperator Martinum cum haereticorum sorte miscere. D. III, 12, 2.

11) D. III, 13, 6.

таетъ, что «въ его время едва ли не одинъ Павлинъ исполняетъ евангельскія заповѣди». ¹⁾ Сульпицій также много повѣствуетъ о преслѣдованіяхъ противъ него лично одного епископа (единственнаго бывшаго ранѣе благосклоннымъ). ²⁾ Даже упоминая о борьбѣ Мартина съ аріанствомъ въ Иллиріи, онъ дѣлаетъ отвѣтственными за ересь іерарховъ ³⁾ и въ разсказахъ о Востокѣ находитъ мѣсто упрекнуть Александрійскаго епископа въ жестокости къ монахамъ ⁴⁾.

Итакъ, ни государство, ни культура, ни церковная іерархія не пользуются уваженіемъ въ глазахъ Мартина и Сульпиція. То анахоретъ, то бродячій миссіонеръ, ⁵⁾ Мартинъ не даетъ опутать себя никакими социальными узами. Непокорный никому, онъ не требуетъ и отъ другихъ повиновенія. Не только епископъ безъ власти, но и аббатъ безъ авторитета, онъ терпитъ самыя возмутительныя оскорбленія и распущенность своего ученика Бриція: «если Христось терпѣлъ Іуду, почему мнѣ не терпѣть Бриція?»

Является ли послушаніе необходимой добродѣтелью монаха? Изъ Сульпиція это неясно. Онъ много рассказываетъ о суровости послушанія у египетскихъ отшельниковъ. ⁶⁾ «Высшее право для нихъ жить подъ властью аввы, ничего не дѣлать по собственному усмотрѣнію». «Первая ихъ добродѣтель — повиноваться чужой власти». ⁷⁾ Но въ пустынѣ живутъ и анахореты, бѣгающіе людей, ихъ посѣщаютъ ангелы, ⁸⁾ это высшій подвигъ. Сравнительно съ ними жизнь въ киновіи жалкій удѣлъ. ⁹⁾ О послушаніи Мартина мы ничего не слышимъ. Послѣ краткой аскетической школы св. Иларія, онъ ведетъ жизнь анахорета. Даже будучи аббатомъ, онъ сохраняетъ быть отшельника и, повидимому, не дѣлаетъ никакого употребленія изъ своей власти.

Пренебреженіе св. Мартина ко всякой правовой санкціи, ко всякой организаціонной формѣ становится окончательно понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что Мартинъ и его кругъ живутъ чрезвычайно обостреннымъ эсхатологическимъ сознаниемъ. Міръ кончается. «Нѣтъ сомнѣнія, что антихристь...уже родился,

¹⁾ V. M. 25, 4.

²⁾ D. I, 2, 4; D. III, 16. Cf. V. M. 27, 4: nosmet ipsos plerique (episcopi) circumlatrant.

³⁾ V. M. 6, 4: adversus perfidiam sacerdotum solus paene acerrime repugnaret.

⁴⁾ D. I, 7, 6.

⁵⁾ «un solitaire voyageur»: Babut. o. c. p. 193.

⁶⁾ D. I. 17-19.

⁷⁾ D. I, 10, 1.

⁸⁾ qui ab hominibus frequentaretur, non posse ab angelis frequentari. D. I, 17, 5.

⁹⁾ miseros se fatentes, si qui diutius in congregatione multorum, ubi humana esset patienda conversatio, residissent. D. I, 11, 7.

уже доросъ до отроческихъ лѣтъ». ¹⁾ Діаволь знаетъ, чѣмъ искушать Мартина, принимая образъ пришедшаго въ міръ, чтобы судить его, Христа. ²⁾ Такъ образъ Христа уничиженнаго сливается съ Христомъ Страшнаго Суда, и на двойномъ огнѣ евангелія и апокалиптики испепеляется міръ человѣческой, даже церковной культуры. ³⁾

Суровое отверженіе культуры, являясь истеченіемъ аскезы міроотреченія, аскезы «гумиліативной», не представляется несовмѣстимымъ съ героическимъ, — скажемъ точнѣе: «агонистическимъ» — идеаломъ аскезы. Мартинъ - герой, побѣдившій въ себѣ все человѣческое, можетъ гнушаться царями земными, поирать всѣ относительныя цѣнности соціальной жизни. Но, возвращаясь къ этому «агонистическому» образу, признаемся въ своемъ безсиліи: намъ не удалось примирить его съ другимъ Мартиномъ, смиреннымъ ученикомъ евангельскаго Іисуса. И въ этой неудачѣ нашей мы не можемъ не винить біографа.

Сульпицію не удалось начертать своего портрета — который хочетъ быть иконой — безъ глубокихъ внутреннихъ противорѣчій. Какъ согласовать безстрастность и ясную невозмутимость аскета съ мучительной болью любви, съ образомъ страдающаго Христа? Мартинъ, «котораго никто не видѣлъ взволнованнымъ или печальнымъ», всегда болѣетъ за другихъ, безстрастный стонетъ. Воскреситель мертвыхъ, повелитель бѣсовъ и стихій, насыщенный силой, струящейся изъ него, колеблется исцѣлить больную «по недостойнству». Что значитъ «важность и достоинство рѣчей» въ епископѣ, позволяющемъ оскорблять себя всѣмъ и въ самой внѣшности являющемъ юродство? Его лицо, сіяющее «небесной радостью» и имѣющее въ себѣ что-то «сверхчеловѣческое», кажется епископамъ «жалкимъ». Да и діаволь, искушавшій Мартина въ образѣ царственнаго Христа, напрасно предсталъ ему *sereno ore, laeta facie*: не такимъ зналъ Мартинъ Христа. За всѣми этими внѣшними промахами агіографа вскрывается одно основное противорѣчіе: противорѣчіе между идеаломъ стоическаго мудреца и образомъ страдающаго Христа.

Я знаю, какъ опасно констатировать противорѣчія въ сферѣ религіозной жизни. Противорѣчивое по человѣчеству оказывается антиномически - объединеннымъ въ цѣлостной, но транс-

¹⁾ non esse autem dubium, quin Antichristus, malo spiritu conceptus, iam natus esset et iam in annis puerilibus constitutus. D. II 14, 4.

²⁾ V. M. c. 24.

³⁾ Характерно для аристократическаго общества, что среди этого всеобщаго обезцѣненія цѣнностей остается мѣсто для благородства крови. О Мартинѣ, человѣкѣ простаго званія, Сульпицій считаетъ нужнымъ отмѣтить: «Parentibus secundum saeculi dignitatem non infimis». V. M. c. 2.

цендентной истинѣ. Въ христіанской святости находятъ себѣ мѣсто и свѣтлый, мудрый старецъ и жалкій въ глазахъ міра юродивый. Но какъ соединимы они въ одномъ лицѣ, въ опытѣ одной человѣческой жизни? Если они соединимы, то необычайно трудна задача біографа, который долженъ показать за проявленіями духовныхъ силъ ихъ цѣлостный истокъ: въ единствѣ освящающейся личности.

Признаемся, что это не удалось Северу. Для всякой интерпретаціи есть границы, за которыми начинается долгъ критика.

Мы привыкли къ тому, что агіографъ оказывается ниже своего заданія по немощи литературныхъ средствъ. Слишкомъ часто писатель, бессильный жизненно отобразить явленіе необычайной духовной силы, прибѣгаетъ къ условнымъ образамъ, общимъ мѣстамъ, литературнымъ, заимствованіямъ. Сульпицій Северъ показываетъ, что и большой талантъ несетъ съ собою опасности: искаженія жизни литературной формой.

Риторъ Северъ весь пропитанъ традиціями блестящей, но упадочной школы, — онъ и не думаетъ бороться съ нею. Талантъ нервный, насильственный, онъ работаетъ исключительно съ помощью художественныхъ «фигуръ», среди которыхъ гипербола — мы могли не разъ убѣдиться въ этомъ — является излюбленной. Онъ готовъ всегда пожертвовать строгой мѣрой ради пуэнтъ, красотъ — истиной. Онъ никогда не бываетъ скученъ, всегда держитъ читателя въ напряженіи, волнуетъ его, — но въ этомъ волненіи слишкомъ много остроты, я бы сказалъ — пряности.

Риторъ - декадентъ, поставленный судьбой рядомъ со святымъ, по-своему преданный ему, онъ не сумѣлъ смирить себя, свой талантъ до чистой объективности. вмѣсто сбора колосьевъ на богатой духовной нивѣ, въ потѣ лица, въ страдѣ нелегкой жатвы, онъ увлекся срываніемъ васильковъ и маковъ, сплетая вѣнки въ честь св. Мартина — стремясь *украсить прекрасное*. И тутъ его богатство обратилось въ скудость. Сульпицій неизбежно стилизуетъ Мартина. Но у него есть двѣ темы стилизаціи. Отсюда раздвоеніе образа.

Прежде всего, онъ хочетъ нарисовать аскета въ египетскомъ стилѣ. Матеріаломъ служить для него житіе св. Антонія и тѣ обильные рассказы паломниковъ, — быть можетъ, еще не облечіеся въ литературную форму,¹⁾ образцомъ которыхъ служить весь первый діалогъ—«Постуміанъ». Онъ поставилъ себѣ, какъ мы видѣли, опредѣленную цѣль: показать, что Мартинъ не уступаетъ никому изъ восточныхъ святыхъ. Естественно, онъ и беретъ краски изъ житія Антонія. Мы могли констатировать

¹⁾ Неизвѣстно, зналъ ли Сульпицій «*Historia Monachorum*». Delehaye, p. 50.

вліяніе этого памятника въ портретъ стойческаго героя. Идеаль «*ἀπὸθεοῦ*», намѣченный въ Vita Antoni, окрашиваетъ аскетику Евагрія, Лавсаикъ Палладія, — словомъ, все «оригенистское» теченіе ранняго египетскаго монашества. Въ этомъ первомъ портретѣ св. Мартина мы находимъ обиліе риторики, и очень мало конкретныхъ чертъ. Сульпицій не много умѣетъ разсказать о героической аскезѣ Мартина — и почти ничего, въ этой связи, о его духовной жизни. Думается, мы не ошибемся, если отнесемъ многое въ этомъ портретѣ на счетъ стилистическихъ образцовъ автора. Поставленные въ необходимость выбирать между двумя образами св. Мартина, мы безъ колебанія жертвуемъ образомъ агонистическаго аскета.

Мартинъ — смиренный и нищій ученикъ Христовъ не имѣетъ никакихъ литературныхъ образцовъ. Это явленіе столь яркой религіозной геніальности, которое само въ себѣ носитъ печать подлинности. Значитъ ли это, что второй портретъ Мартина во всемъ безупреченъ?

Мы имѣли не разъ случай наблюдать совпаденіе между аскетическими тенденціями св. Мартина и общественными взглядами самого Севера. Это совпаденіе было бы вполне естественнымъ, если бы Северъ былъ ученикомъ св. Мартина — только его ученикомъ. Но его жизнь протекаетъ вдали отъ Мартина, онъ принадлежитъ совсѣмъ иной средѣ. Богатый землевладѣлецъ, удалившійся въ свою виллу, литераторъ, загорѣвшійся моднымъ тогда аскетическимъ движеніемъ, онъ могъ найти въ турскомъ святомъ воплощеніе своихъ идеаловъ. Мы слишкомъ мало знаемъ жизнь Сульпиція, чтобы оцѣнить это сложное взаимоотношеніе: между святымъ и его поклонникомъ. Но все же должны остерегаться цѣликомъ отнести на счетъ св. Мартина весь социально - политическій радикализмъ Сульпиція. Аскетическому радикализму послѣдняго не хватаетъ одной добродѣтели — смиренія. Это проводитъ рѣзкую грань между смиреннымъ, почти юродивымъ апостоломъ любви и неумолимымъ врагомъ епископовъ и императоровъ. Возможно, вѣроятно даже, что и св. Мартинъ живетъ въ неприятіи современнаго ему общественнаго и іерархическаго міра. Но характеръ этого неприятія едва ли совпадаетъ съ будирующими настроеніями его біографа. Большаго сказать не можемъ. Здѣсь мы обязываемся къ критическому воздержанію. Одно ясно: *этотъ* Мартинъ не могъ быть созданъ Северомъ, онъ *не* отъ литературы, въ немъ мы должны признать одно изъ величайшихъ проявленій христіанской духовности, хотя между нимъ и нами стоитъ, какъ всегда въ исторіи, не слишкомъ прозрачное, или не всегда безцвѣтное, стекло.

Восточная Церковь не многое помнитъ о Мартинѣ; но это немногое говоритъ о «Мартинѣ милостивомъ», апостолѣ любви. Воинъ Мартинъ, одѣвающій нищаго своимъ плащомъ, едва ли

не единственная значительная черта его духовной біографіи, сохраненная въ славянскомъ Прологѣ¹⁾.

Западному средневѣковью пришлось по иному объѣднить образъ Мартина, чтобы спасти его цѣльность. Я говорю не о житіи святого, сохраненномъ въ цѣлости рукописной традиціей, а о вліяніи живого образа, насколько мы можемъ наблюдать его въ традиціи святости по памятникамъ меровингской агиографіи. Ближайшія поколѣнія были увлечены египетскимъ идеаломъ героическаго безстрастія и пожертвовали непонятнымъ и даже соблазнительнымъ для нихъ образомъ страдающаго Христа. Стъ соціального отрицанія Севера они сохранили надолго враждебность къ государственной власти, но восполнили ее чуждой аскетамъ IV в. высокой оцѣнкой культуры. Только XII вѣкъ воскрешаетъ для себя образъ униженнаго и страдающаго Іисуса, и только великій Францискъ въ юродствѣ любви и бракѣ съ «госпожей Бѣдностью» повторяетъ подвигъ св. Мартина.

Г. Федотовъ.

¹⁾ 12 октября. Св. Мартинъ называется здѣсь епископомъ «въ Константиинѣ градѣ Галилѣйстѣмъ». Та же исторія рассказывается отдѣльно 13 февраля. Общая канва житія и рядъ деталей не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что чтимый святой не кто иной, какъ епископъ Турскій.